

Джим Шепард — популярный американский писатель, киносценарист. В основе написанных им романов всегда лежат реальные события, о которых он рассказывает от лица главных героев. К исторической достоверности присоединяется стилистическая точность, тонкий психологизм — это делает Джима Шепарда уникальным автором, завоевавшим литературные премии Story Prize, Massachusetts Book Award и ставшим финалистом Национальной книжной премии.

Новый роман Джима Шепарда «Книга Аарона», награжденный в 2016 году медалью Софи Броуди за достижения в еврейской литературе, переносит читателей в атмосферу варшавского гетто, чтобы от лица восьмилетнего мальчика рассказать его выдающуюся историю. За стеной гетто бушуют эпидемии, голод, каждую минуту грозит смерть от нацистской пули. Маленький Аарон, юркий, незаметный, еще может выскользнуть, чтобы принести хлеба умирающему братишке, отчаявшейся матери, отцу, чья гордость растоптана полицейским сапогом. А очутившись в детском приюте, готов пойти на все, чтобы спасти встреченного им удивительного человека — Старого Доктора, Януша Корчака...

Джим Шепард ~ Книга Аарона

ДЖИМ ШЕПАРД

Книга Аарона

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3693-1

9 785991 036931

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-1479-8

9 786171 214798

Джим Шепард
Jim Shepard

Jim Shepard

Book of Aron

A Novel

Джим Шепард

Книга Аарона

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
Ш48

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Это издание публикуется с разрешения
Alfred A. Knopf, an imprint of The Knopf Doubleday Group,
a division of Penguin Random House, LLC

Переведено по изданию:
Shepard J. The Book of Aron : A Novel / Jim Shepard. —
New York : Alfred A. Knopf, 2015. — 272 p.

Перевод с английского *Виктории Гривиной*

ISBN 978-617-12-1479-8 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3693-1 (Россия)
ISBN 978-1-101-87431-8 (англ.)

© Jim Shepard, 2015
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
© ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

Эта книга — художественное произведение. Все имена, лица, места и события являются вымышленными или представлены в художественном переосмыслении. Какое-либо сходство с реально существующими или существовавшими лицами, событиями или местами — совпадение.

Посвящается Иде

МАМА И ПАПА ДАЛИ МНЕ ИМЯ ААРОН, но папа говорил, что следовало назвать меня «Что ты натворил», а дядя всем твердил, что меня нужно было назвать «О чем ты вообще думал». Я бил пузырьки с лекарствами, раскалывая их один о другой, и выпускал из клеток соседских домашних питомцев. Мама повторяла, что папа не должен бить маленького ребенка, но отец отвечал, что одного злоключения мне будет мало, а дядя уверял ее, что мое безумное поведение было преступлением по отношению к остальным членам семьи.

Когда я жаловался, мама напоминала, что я сам виновник своих бед и что в нашей семье на боль в зубе принято отвечать шлепком по другой щеке. Мой старший брат постоянно повторял, что у нас никогда не было ни колыбели под спиной, ни подушки под голову. Почему бы тебе не жаловаться побольше, язвительно предлагала мама. Из твоих жалоб можно было бы развести огонь в печи.

Дядя был родным братом матери. Именно он стал называть меня Шимайя, потому что я делал кучу вещей, при виде которых дядя прикладывал палец к кончику носа и произносил: «Бог все слышит». Мы жили в Паневежисе неподалеку от литовской границы в одном доме с другой семьей. Занимали переднюю комнату, в которой было окно с четверным застеклением и большая печь с жестяным

листом сверху. Папа постоянно исчезал в поисках денег. Какое-то время он торговал звериными шкурами. Мама хотела бы, чтобы он занялся чем-нибудь другим, но он неизменно отвечал, что у Папы Римского и крестьянина разные задачи. Она мыла пол у чужих людей, и, когда уходила на день, соседи творили, что им вздумается. Они воровали нашу еду и вышвыривали наши вещи на улицу. Когда мама, усталая, возвращалась, ей приходилось с ними ругаться из-за того, как они с нами обращались, а я в это время обычно прятался за кучей мусора во дворе. Когда возвращались старшие братья, они тоже вступали в перепалку. Где Шимайя, спрашивали они, когда все закончилось. А я продолжал сидеть за кучей мусора. При сильном ветре мелкий сор попадал мне в глаза.

Шимайя может заботиться только о себе, постоянно повторял дядя, но я-то сам ничего такого не хотел. Я сам себя отчитывал во время прогулок. Я составлял списки из вещей, над которыми нужно было бы поработать. Годы шли как один мучительный день.

Мать пыталась обучить меня грамоте, но без толку. Она брала большой лист бумаги, который вешала на доску, и указывала сначала на птицу или маленького человечка, или кошелек, а затем на букву, с которой начиналось слово. Целый день уходил на то, чтобы заставить меня нарисовать полукруг и прямую черту буквы алеф. Но я оставался настоящим дикарем. Я не знал названий предметов. Когда учителя обращались ко мне, я тарашился в ответ. Алеф, бет, гимел, далет, хе, вав, заин. До нашего отъезда моя последняя отметка в хейдере¹ за поведение была «неудовлетворительно», за религию — «неудовлетвори-

¹ Хейдер — школа. (Здесь и далее примеч. пер.)

тельно», за арифметику — «неудовлетворительно», и даже за класс работы по дереву и металлу стояло «неудовлетворительно». Отец говорил, что он в жизни не видел более печального результата, и предлагал нам всем собраться и поразмыслить, каким образом мне удалось такого достигнуть. Мама утверждала, что мои успехи в некоторых областях, кажется, улучшались, но отец отвечал, что даже если бы Бог дал мне вторую и третью жизни, до меня бы все равно ничего не дошло. Он говорил, что человек с сильным характером мог исправить свой путь и начать заново, но трусу или слабаку такое не под силу. Я постоянно мучился вопросом, приходится ли остальным так же трудно в учебе, как и мне. Я вечно волновался при мысли, что со мной будет, если я так ничего и не научусь делать. Быть в моей шкуре представлялось настоящим кошмаром.

В дождливые дни я строил дамбы на улице и менял направление стекающей воды. Я искал доски и палками спихивал их в лужи. Маме приходилось уносить меня из-под дождя, она говорила, что находила меня, витающего в облаках в мечтах о рыбе и блинчиках. Укладывая меня в постель рядом с печью, она приговаривала, что уж я, конечно, ни за что не пропущу никакую болячку, будь то ветрянка, корь, скарлатина или коклюш, и именно поэтому мне предстоит провести всю жизнь мертвым на девяносто девять процентов.

По ночам я лежал и ждал, когда наступит сон, как соседский пес ждал проходящих вагонов. Мама слышала, что я еще не сплю, и подходила к моей постели, несмотря на собственную усталость. Чтобы помочь мне заснуть, она говорила, что если я сильно-сильно зажмурюсь, то увижу, как перед глазами начнут летать огни и планеты, правда,

я ни за что не успею их все сосчитать прежде, чем они исчезнут. Она добавляла, что, по словам ее бабушки, это Бог своим маленьким пальчиком двигает всеми огнями и планетами. Я извинялся перед ней за то, как себя вел, а она отвечала, что не волнуется по поводу школы и что ее заботит только то, как я поступаю с нашей семьей и соседями. Она говорила, что часто вместо головы у меня работает язык, а иногда голова работает вместо сердца.

ПРИ ЭТОМ, КОГДА НА СВЕТ ПОЯВИЛСЯ МОЙ МЛАДШИЙ БРАТ, я сказал маме, что был бы не прочь, если бы его бросили в курятник. Весь тот год, когда мне исполнилось четыре, я ходил мрачный как туча из-за заражения, которое пошло от прививки на руке. Мама говорила, что я играл в одиночестве, даже если рядом были другие дети. Два года прошло, а я так ничему и не научился. Я не умел ни плавать, ни ездить на велосипеде. У меня не было ни дедушек, ни тетушек, ни крестных родителей. Когда я спрашивал, как так получилось, папа отвечал, что причиной всему то, что паразиты всегда получают подачки от общества, в то время как достойным людям достаются помои, а мама отвечала, что все из-за болезни. Я посещал хейдер до тех пор, пока отец не вернулся из одной из своих поездок и не сказал маме, что на дворе 1936 год и пора бы мне получить современное образование. Я был счастлив такой перемене, потому что у нашего учителя в бороде вечно застревали кусочки еды, а еще он бил нас палкой по пальцам за неправильные ответы, и у него дома воняло, как в конуре. И я пошел в общеобразовательную школу, и она оказалась намного чище во всех отношениях. Папу впечатлял тот факт, что мой новый учитель одевался по-европейски и что когда он научил

меня читать, я и сам начал учиться. Из-за того, что мне было скучно и я никого не знал, я стал читать книги.

Там же в общеобразовательной школе я встретил своего первого друга, его звали Юдель. Он мне понравился. Как и мне, ему в будущем ничего не светило. Он вечно где-то носился с сопливым носом. Мы сооружали плоты и пускали их по реке, а еще упражнялись в плевках на дальние дистанции. Он тоже называл меня Шимайей, а я звал его Пишером. Когда он шалил, ему хватало ума не попадаться и не доводить это до сведения учителя. Однажды утром перед уроками мы так отчаянно заигрались в чижика, что разбили несколько окон в классной комнате. Мы пугали мальчиков, которые ходили с аккуратными портфелями и никогда не снимали обуви. Из-за него мне постоянно влетало дома, а однажды меня вообще выпороли в Шаббат за то, что я переломал надвое семейные ножницы, пытаясь сделать два меча — для меня и для друга. Прежде чем его мать умерла от болезни зубов, она учила его только грустными песнями, например о сибирском царе. Когда она умерла, он пришел и искал меня, но я от него спрятался. На следующий день он рассказал мне, как двое стариков вынесли ее из дома на деревянной доске, а потом отец его увел.

В ТО ЛЕТО МОЕМУ ОТЦУ ПРИШЛА ОТКРЫТКА от двоюродного брата из Варшавы, который писал, что для отца нашлась работа на фабрике, где трудился он сам. На фабрике производилась ткань из хлопковой нити. Отец доехал до города попуткой на грузовике, полном гусей, а позже послал за нами. Мы переехали в дом 21 по улице Заменгофа и поселились в квартире под номером 6 — мама заставила каждого из нас вызубрить адрес, чтобы

мы всегда могли найти дорогу, если заблудимся, — а младший брат, у которого были больные легкие, дни напролет торчал у заднего окна и тарасился на мусорные баки. Нам обоим казалось, что лучшим во всем этом переезде стал магазин портного на другой стороне площади. Портной шил форму для армии, и в витрине его магазина в три ряда стояли манекены размером с ладонь, и на каждом была миниатюрная военная форма. Нам особенно нравились кукольные ленты и медали за заслуги.

Пришло лето, и меня отправили работать на фабрику, которая была так далеко от дома, что до нее нужно было добираться на трамвае. Меня запирали в маленькой комнате без окон с четырьмя старшими мальчиками и заставляли обрабатывать ткань. Рулоны материи нужно было скрести до тех пор, пока на них не образовывался начес, как бывает на зимних носках. Каждый рулон приходилось обрабатывать часами, и мне с моим ростом приходилось налегать на нож всем телом, чтобы прилагать нужную силу. В жаркие дни пот бежал с меня, как капли дождя с крыши. Другие мальчики говорили: «Какой серьезный молодой человек приехал к нам из глубинки; ему на роду написано стать важной шишкой в городе». А я думал, неужели меня тут держат только для насмешек? И отказался к ним возвращаться.

Отец грозился устроить мне такую выволочку, что бровями будет больно пошевелить, но пока я прятался от него, как мышь от кошки, вступилась мать и сказала, что мне и дома найдется достаточно работы, к тому же через несколько недель начинались занятия в школе. Отец сказал, что это — временная мера, а мать ответила, что пока и так сойдет, и когда в ту ночь они пошли спать и сохра-

пели, я залез к ним в кровать, поцеловал маму и стянул у отца одеяло с ног в надежде, что он простудится.

Из-за того, что меня мучила бессонница, я помогал маме по дому с утра, и она всем хвастала, как ей повезло, что у нее есть сын, который не прочь так рано вставать. Я много работал и составлял ей компанию. Я выносил ведра с помоями и ходил за горячими компрессами, которые нужно было прикладывать к груди брата. Она спрашивала, лучше ли заниматься такой работой, чем бить бутылки и хулиганить, и я соглашался, что лучше. Я все еще оставался таким мелким, что мог ездить на корточках на ручке щетки, которой она полировала полы.

Она говорила отцу, что, по крайней мере, теперь их дети ведут себя лучше, но отец отвечал, что ему они не кажутся ни накормленными, ни послушными. За ужином он шутил, что она готовит как прачка. «Ну и отправляйся в ресторан», — язвительно отвечала она ему. Позже она мне рассказала, что, будучи маленькой девочкой, никогда не жаловалась, поэтому была любимым ребенком своей матери и та всегда держала ее при себе. И так я становился самым собой только в минуты, когда выключали свет, а по утрам снова притворялся, что все хорошо.

В НАШЕЙ НОВОЙ ШКОЛЕ МЫ СИДЕЛИ не за общим замызганным столом, а на настоящих школьных скамьях. Мне хотелось больше книг, но на них не было денег, а когда я пытался просить книги у школьных товарищей, они отвечали отказом. Я не реагировал на издевательства, стараясь дотерпеть до звонка на урок. Когда мама пожаловалась учителю на то, что одноклассники обзывают меня грязным жидом, учитель ответил: «А разве они говорят неправду?», и с тех пор она заставляла меня мыться

раз в неделю. Я оставался в этой школе до тех пор, пока учитель не открутил одной девочке ухо, и тогда мама снова перевела меня в хейдер в двух трамвайных остановках от дома, где, помимо прочего, учили польский язык. Но я был запуган и все равно боялся строгих указаний, как собака палки. Мой новый учитель спросил маму, что можно сделать с ребенком, в котором столько ответов. Он как лиса, этот мальчишка, сказал он; в восемь он похож на восьмидесятилетнего. Когда она рассказала о встрече отцу, тот пригрозил очередной трепкой, и пришлось снова уносить ноги. В ту ночь мама села у моей кровати и попросила объясниться, и сначала я был не в состоянии ей ответить, но потом наконец сказал, что понял: большинство людей меня не понимают, а те, кто понимают, ничем не могут помочь.

Двое старших братьев нашли работу за городом — отгонять коз на бойню — и возвращались уже по темноте, и, подобно отцу, считали, что мать должна сидеть дома, поэтому она тайком раскрыла мне свой план по расширению своего прачечного дела. Она сказала, что это, конечно, не золотая жила, но может стать серьезным подспорьем, особенно в канун Песаха и Рош Ха-шаны¹. Женщина призналась, что потратила немного припрятанных денег на мыло, хлорку и бочки для стирки и что всякий раз, когда отец проходил мимо заначки, у нее по позвоночнику пробегал холодок и волосы вставали дыбом. Я спросил, почему бы ей и не использовать эти деньги, и она так обрадовалась, что пообещала взять меня в дело, когда мне исполнится девять. Это меня очень порадовало,

¹ Еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние. Обычно приходится на сентябрь или октябрь.

потому что я решил: когда накоплю достаточно, обязательно сбегу в Палестину или Африку.

За неделю до Песаха мы поставили гигантские тазы с водой на огонь, замочили все белье, которое взяли у клиентов, в двух бочках с металлическим ободом, она намылила все желтым бруском мыла, затем мы все вы-полоскали, пропустили через пресс, вытащили корзины с мокрым бельем на чердак, и там она развесила все на стропилах. Поскольку нам пришлось открыть на чердаке окна для сквозняка, в ту ночь она не могла сомкнуть глаз и шептала мне о том, что есть банды, которые специализируются на зачистке крыш и краже белья, поэтому мне пришлось пойти туда и сторожить, чтобы она могла расслабиться.

«Видишь? Ты умеешь думать о других», — прошептала она мне на ухо, когда на следующее утро поднялась меня будить. Она прижала губы к моему лбу и положила ладонь на щеку. Когда она так ко мне прикасалась, существо, которое все ненавидели, как будто исчезало. И пока этого существа не было, я не показывал ей, что уже проснулся.

МНЕ НЕ НУЖНО БЫЛО НИ С КЕМ ИГРАТЬ, поэтому после школы я шел домой и помогал маме. Днем, пока младший брат спал, мы говорили о том, как прошел день. Я рассказывал ей о военном на лошади у трамвайной остановки, который достал несколько монет из своей седельной сумки и вручил мне, а она спрашивала, поблагодарил ли я его в ответ, и, конечно, я совершенно забыл это сделать. Она соглашалась, что поступок военного странный, и размышляла, не думал ли он в этот момент о собственном сынишке. Мы слушали, как за дверью

напротив ругаются соседи, и она поясняла, что отец семейства проводил дни в синагоге, заботясь о жизни в ином мире, пока мать выбивалась из сил, пытаясь всех накормить. Она говорила, что у матери четырнадцать детей, но выжили только шестеро. Я сказал, что, может, в этой семье уже не будет новых детей, и она ответила, что для их матери было бы неплохо, чтобы шестикрылый ангел спустился к этой семье с доброй вестью.

Я помогал маме, но ей хотелось, чтобы вместо нее я помогал бы младшему брату. Он всего боялся. Она держала зажженную свечу у его кровати, чтобы отпугнуть тени из углов комнаты, потому что на его окне не было ставен, и ночью он постоянно боялся, что кто-то стоит на улице под окном или стучит в стену, и, засыпая, брат плакал от страха. Когда она подходила его успокоить, его глаза были до такой степени переполнены ужасом, что я боялся в них смотреть. Отец кричал, чтобы он с этим завязывал, но это только усугубляло ситуацию. Тогда отец напомнил брату о том, что каждый понимает в доме, — родители не обязаны сдерживаться с детьми и имеют право отплатить нарушителю по заслугам. Он все больше распалялся, и матери приходилось утихомиривать его в соседней комнате, предварительно взяв с меня слово присмотреть за братом, и я делал все возможное, чтобы как-то успокоить его.

На прикроватном столике у брата стояло множество лекарств, капель и бутылочек с ингаляциями, и мама учила нас, как следовало повернуть ему голову и заставить податься вперед в случаях, когда брат начинал задыхаться. Он терпеть не мог постоянно оставаться дома и наконец сбежал, оставив записку, что такая жизнь ему надоела, после чего не появлялся два дня. Когда он все же

вернулся, мать заперла его в квартире, и тогда он подставил стул к окну, чтобы смотреть на улицу.

Я не понимал его поведения, но мне нравилась его манера никогда ни на что не жаловаться. Когда ему давали какое-нибудь лакомство, он прикрывал его ладонями и рассматривал сквозь пальцы прежде, чем передать кому-нибудь из нас. Если он не дремал и не смотрел в окно, он постоянно был рядом с мамой. Когда он злился, он никогда никого не бил и не кричал, а просто замолкал и не разговаривал по нескольку дней. У мамы было специальное выражение на тот случай, когда он затихал, будто бы мудрость умирала внутри него, — то же самое говорила о ней когда-то ее собственная мать. Она рассказывала соседям, как однажды, когда брат был совсем маленьким, он лег поперек трамвайных путей, чтобы заставить ее остаться, и ей пришлось унести его домой, а когда после она его об этом спросила, он прикрыл ей рот своими ладонями.

ОН ОБОЖАЛ РАДИО, И ИМЕННО БЛАГОДАРЯ ЕМУ я впервые услышал передачу Януша Корчака. По четвергам после обеда я должен был сидеть с братом, а так как жена нашего соседа была туга на ухо, то мы слушали радио через стену. Передача называлась «Старый доктор» и очень мне нравилась, потому что Януша Корчака всегда интересовали другие люди и в особенности дети, пусть даже он постоянно жаловался на одиночество. Еще мне нравилось, что я никогда не мог предугадать, что случится дальше. Иногда он брал интервью у бедных сирот в летнем лагере. В другой раз он говорил о том, за что ему нравятся самолеты. Или пересказывал старую сказку. Он умел подражать голосам животных

со скотного двора. Когда я спросил маму, почему передача называется «Старый доктор», она пояснила это жалобами, которые приходили на радио из-за того, что еврейскому педагогу разрешалось влиять на неокрепшие умы польских детей.

В том же году я впервые побывал в ресторане. Отец взял меня с собой, чтобы отпраздновать какой-то свой большой успех, о котором он никогда не распространялся. Впервые в жизни я мог сам выбрать себе еду. Пока я ел, отец проверял мои знания по Яну Генрику Домбровскому, поскольку считал себя доморощенным знатоком истории. За десертом он рассмешил меня тем, как раскалывал скорлупки орехов зубами. В ту ночь мне снилось, что у меня на плече сидит ворон, мы стоим на ветру и у меня за спиной развевается черный плащ. На следующее утро, когда отец одевался, я подошел и обнял его. «Что это с ним сегодня?» — спросил он у мамы, прежде чем уйти.

В ОТВЕТ НА МОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ СОСЕДСКИЕ ДЕТИ не проявляли ко мне никакого интереса. Иногда они бросали в меня камнями. Прошло еще одно длинное лето. Я хотел научиться ездить на велосипеде, поэтому пошел к мальчику, у которого был велосипед, и мальчик пообещал мне показать. После первого урока я уже мог справиться своими силами, но тогда он бы перестал меня учить. Я встретил Лутека однажды вечером, когда сидел с какими-то незнакомыми детьми, а они твердили, чтобы я убирался, но я их не слушал. У Лутека была кроличья шапка с ушами. Один из этих детей спросил, где он ее достал, последовал ответ: «Между ног твоей мамаша», и вся компания принялась его толкать. Лутека отбросили

на меня, и в ответ я толкнул парня, который это сделал, так, что тот упал на спину и ударился головой о брусчатку. Остальные погнались за нами, Лутек показал мне лестницу в подвал рядом с угольным желобом, мы спрятались, и дети пробежали мимо. Я спросил, как он наткнулся на эту лестницу, и он ответил, что прятался тут еще до моего рождения. Пока мы сидели там в темноте, я продолжил его расспрашивать, но он больше мне не отвечал и только молча принюхивался, как собака нюхает воздух.

Он был ниже меня. Он был таким мелким, что рассказывал, что все ошибочно полагают, будто его младшая сестра на самом деле старше его. Он говорил, что его родная деревня — жалкое место. Ее даже не было на карте, и состояла она из трех рядов домов, заборов и грязи. Он отучился год в одной из школ талмуд-тойрес, что на улице Мила, и, по его словам, школа была знаменита тем, что выпускала недоучек. Он говорил, что его отец — один из самых сильных грузчиков в городе и что он таскает тележку, в которую впрягается, как лошадь. Он особенно ловко управляется с огромными механическими клетями из Лодзи. Чтобы их сдвинуть, при нормальных обстоятельствах потребовались бы усилия трех взрослых мужчин. Остальное время силач просиживал в таверне. Он работал на железнодорожной станции неподалеку от двора Ярушевских. Этот район меня пугал. Над кучами шлака поднимался смог, из-за которого воздух над грузовыми доками был вечно черным.

Поначалу мама радовалась, что я нашел друга, но вскоре радости пришел конец, потому что за младшим братом некому стало присматривать, ведь Лутек принялся за мое образование. Он показал, как воровать овощи с тележек,

как один может в суматохе отвлечь торговцев от того, что делает второй, даже если торговцы присматривают друг за другом. С помощью французского памфлета, который он стащил из газетного киоска, он доказал, что я ничего не знаю о девчонках, и обнаружил, что в действительности знаю настолько мало, что даже не могу понять, о чем он толкует. Выругавшись в адрес каких-то грязных русских, он также выяснил, что я ничего не смыслю в политике, и это было чистой правдой.

Он научил меня тому, что ничьи проблемы не должны стоять на пути наших развлечений. Я рассказал ему обо всех проделках, из-за которых мы с Юделем попадали в неприятности, включая разбитые школьные стекла, но эти рассказы не произвели на него впечатления. Его семья трижды переезжала, с тех пор как они оказались в Варшаве. И в одном месте его водили в полицию за то, что он сломал дверь дома мальчишки, который стащил его шапку, а в другом его тоже водили в участок за то, что он ювелирным молотком пробил череп какому-то другому мальчишке. Лутек сказал, что тому мальчику потом стало лучше, правда, приходилось носить повязку на голове и его прозвали шейхом.

Я поинтересовался, не влетает ли ему за подобные проступки от отца, на что Лутек ответил, что дела с ремнем пошли веселее после того, как он научился натирать швы чесноком или луком. А еще ему повезло, поскольку отца больше расстраивало заикание сестры. Отец пытался вылечить заикание, передразнивая сестру, надеясь, что оно исчезнет от стыда. Я девочке понравился, потому что, ожидая, пока она закончит фразу, я никогда не раздражался. Она сказала Лутеку, что я — добрый мальчик и ему стоит приводить меня чаще, поэтому он посылал меня

Благодарности

Пользуясь выражением Маргерит Юрсенар из «Заметок к роману “Мемуары Адриана”», моей главной целью в данной работе была попытка «по возможности проникнуть во внутренний мир другого человека настолько, насколько позволяют реальные свидетельства», поэтому этот роман был бы невозможен или же возможен в крайне урезанной форме без принципиально важных сведений, взятых из следующих источников: воспоминаний Януша Корчака «Ghetto Diary; The Selected Works of Janusz Korczak», ред. Martin Wolins; Aaron Zeitlin «The Last Walk of Janusz Korczak» (поэма в прозе); Emmanuel Ringelblum «Notes from the Warsaw Ghetto» под ред. Jacob Sloan; Barbara Engelking и Jacek Leociak «The Warsaw Ghetto: A Guide to the Perished City»; Marta Markowska «The Ringelblum Archive: Annihilation — Day by Day»; Bogdan Wojdowski «Bread for the Departed»; и Dawid Rubinowicz «The Diary of Dawid Rubinowicz». Я также невероятно признателен автору книги «To Live with Honor and Die with Honor: Selected Documents from the Warsaw Ghetto Underground Archives O.S. (Oneg Shabbath)» под ред. Joseph Kermish; «The Warsaw Ghetto Oyneg-Ringelblum Archive Catalog and Guide» под ред. Robert Moses Shapiro and Tadeusz Epsztein; «The Diary of Dawid Siera-

kowiak» под ред. Alan Adelson; «The Yad Vashem Encyclopedia of the Ghettos During the Holocaust» под ред. Guy Miron and Shlomit Shulhani; «Words to Outlive Us: Eyewitness Accounts from the Warsaw Ghetto» под ред. Michał Grynberg; «Awakening Lives: Autobiographies of Jewish Youth in Poland Before the Holocaust» под ред. Jeffrey Shandler; «From a Ruined Garden: The Memorial Books of Polish Jewry» под ред. Jack Kugelmass and Jonathan Boyarin; «The Last Eyewitness: Children of the Holocaust Speak», том 1, под ред. Wiktoria Śliwowska, том 2, под ред. Jakub Gutenbaum and Agnieszka Latała; «Hunger Disease: Studies by the Jewish Physicians in the Warsaw Ghetto» под ред. Myron Winick, M.D.; «The Diary of Samuel Golfard and the Holocaust in Galicia» под ред. Wendy Lower; «The Warsaw Diary of Adam Czerniakow» под ред. Raul Hilberg, Stanislaw Staroń, and Josef Kermisz; а также Betty Jean Lifton «The King of Children».

Мне также очень помогла статья под названием «The Last Journey of the Residents and Staff of the Warsaw Orphanage»; Lucjan Dobroszycki «The Chronicle of the Łódź Ghetto, 1941—1944»; Leni Yahil «The Holocaust: The Fate of European Jewry 1932—1945»; Kurt Grüber «Journey Through the Night: Jakob Littner's Holocaust Memoir»; Adina Blady Szwajger «I Remember Nothing More: The Warsaw Children's Hospital and the Jewish Resistance»; Abraham Lewin «A Cup of Tears: A Diary of the Warsaw Ghetto», под ред. Antony Polonsky; Raul Hilberg «The Destruction of the European Jews»; Günther Schwarberg «In the Ghetto of Warsaw: Heinrich Jöst's Photographs»; Hanna Krall «Shielding the Flame: An Intimate Conversation with Dr. Marek Edelman, the Last Surviving Leader of the Warsaw Ghetto Uprising»; Naomi Samson «Hide: A Child's View of the Holocaust»; Willy Georg «In the Warsaw Ghetto: Summer 1941»; Jürgen Stroop «The Stroop Report»; Larry Stillman

и Morris Goldner «A Match Made in Hell: The Jewish Boy and the Polish Outlaw Who Defied the Nazis»; Manny Drukier «Carved in Stone: Holocaust Years — A Boy's Tale»; Bernard Gotfryd «Anton the Dove Fancier and Other Tales of the Holocaust»; Lizzie Collingham «The Taste of War: World War II and the Battle for Food»; Joseph Ziemian «The Cigarette Sellers of Three Crosses Square»; George Eisen «Children and Play in the Holocaust: Games Among the Shadows»; Rubin Katz «Gone to Pitchipoi: A Boy's Desperate Fight for Survival in Wartime»; Rochelle G. Saidel «Mielec, Poland: The Shtetl That Became a Nazi Concentration Camp»; статья автора Aviad Kleinberg «The Enchantment of Judaism: Israeli Anxieties and Puzzles», в журнале Critical Inquiry 35, № 3 (весна 2009); документальный фильм Клода Ланцмана «Шоа»; а также книга Дэниэла Мендельсона «Пропавшие: поиск шести из шести миллионов».

Эту книгу также трудно представить без вдохновения, поддержки и квалифицированных рекомендаций Кригана Трейнора, Дэниэла Мендельсона, Эдана Декеля, Андреа Барретт, Ребекки Ом, Рича Ремсберга, Маркеты Руликовой, Дэна Полсби, Томаша Кужнара и Майкла Кросса; без спасительного редакторского энтузиазма и информации, предоставленной Беном Джорджем, Рейганом Артуром, Джимом Рутманом, Питером Мэтсоном и Гэри Фискетйоном; а также без исследовательских материалов, предоставленных Роном Коулманом, Винсентом Слаттом, Каролин Ваделл и Ненси Хартман из Музея Холокоста (США); без Терезы Рой из Национального архива; без Агнежки Резкой из Еврейского Института Истории; без Александры Баньковской и Яна Ягельского из Еврейского исторического института имени Эммануэля Рингельблюма; и без Жюстины Майевской из Музея истории польских евреев.

Также хочу выразить благодарность Агнежке Войтович-Ях, Войчичу Блажчику и Монике Олешко за помощь в налаживании контактов в Варшаве. И большое спасибо неугомонному и бесконечно осведомленному Алексу Дунаю за неоценимую информативность и экспертную помощь как в польской глубинке, так и в городах.

Помимо прочего, я испытываю невероятное преклонение и благодарность за огромное подспорье, которым стали для этой книги воспоминания Фриды Аарон, Ирены Абрахам, Фелы Абрамович, Эрвина Маума, Израэля Беркенвальда, Абрахама Бомбы, Хелен Бромберг, Нелли Чезаны, Митека Эйхеля, Лили Фенстер, Генри Франкея, Симона Фридмана, Генри Голдберга, Сэма Голдберга, Хени Голдман, Дорис Фукс Гринберг, Марселя Гурнера, Дэвида Гаскила, Джозефа Химмельблау, Йолы Хоффман, Давида Якубовского, Эрнера Юрека, Давида Кохальски, Анджея Краутхамера, Сары Лейбовиц, Анне Леви, Анны Левковиц, Якуба Михлевица, Ирены и Шимона Носковичей, Генри Нусбаума, Самуэля Оффена, Михеля Пинкаса, Голды Рифки, Анки Рохман, Сламы Роттер, Лидии Зишарц, Джека Шпигеля, Черны Штермы, Фелы Варшау, Ричарда Вейдмана, Цилы Винер и в особенности Мариан Маржински.

Наконец, хочу принести особую благодарность и отметить вклад тех читателей, которые увидели эту работу на самых ранних ее стадиях, вклад людей, чей оптимизм и энергия помогли этой работе состояться: спасибо Гэри Цебруну, Рону Хансену и в особенности Сандре Леонг, чьи советы оказали неоценимую помощь в моей работе с начала до конца. И наконец, больше всего я хочу поблагодарить моего первого и главного читателя, Карен Шепард, которая совершенно оправданно говорит всем, что делает из меня лучшего человека каждый божий день.

Літературно-художнє видання

ШЕПАРД Джим
Книга Аарона

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *З. О. Бакуменко*
Завідувач редакції *Г. В. Сологуб*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактор *К. В. Новак*
Художній редактор *Т. О. Волошина*
Технічний редактор *І. О. Гнідая*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 26.07.2016. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Adonis».
Ум. друк. арк. 11,76. Наклад 10000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51.
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ШЕПАРД Джим
Книга Аарона

Роман

Руководитель проекта *З. А. Бакуменко*
Заведующий редакцией *Г. В. Сологуб*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *Е. В. Новак*
Художественный редактор *Т. О. Волошина*
Технический редактор *И. А. Гнедая*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 26.07.2016. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Adonis».
Усл. печ. л. 11,76. Тираж 10 000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а,
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51.
Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Скупий на ласку батько, вiчно зайнята роботою мати, хворий брат — восьмирiчний Аарон покинутий на самого себе, як i всi його однолiтки з бiдного району Варшави. Тiльки одна людина на цих вулицях пiклується про дiтей — Януш Корчак, Старий Доктор iз сирiтського притулку. Коли з приходом нацистiв євреi опиняться в смертельнiй пастцi гетто, Аарон буде щосили, до останнього боротися за життя своєї сiм'ї i за життя доктора, який вiддав своє серце дiтям...

Шепард Д.

Ш48 Книга Аарона : роман / Джим Шепард ; пер. с англ. В. Гривиной. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 224 с.

ISBN 978-617-12-1479-8 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3693-1 (Россия)

ISBN 978-1-101-87431-8 (англ.)

Скупой на ласку отец, вечно занятая работой мать, больной брат — восьмилетний Аарон предоставлен самому себе, как и все его сверстники из бедного района Варшавы. Только один человек на этих улицах заботится о детях — Януш Корчак, Старый Доктор из сиротского приюта. Когда с приходом нацистов евреи окажутся в смертельной ловушке гетто, Аарон будет изо всех сил, до последнего бороться за жизнь своей семьи и за жизнь доктора, отдавшего свое сердце детям...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)